

О МЕМУАРАХ А. А. СЛЕПЦОВА

Сообщение В. Э. Богграда

История возникшего в начале 1860-х годов тайного революционного общества «Земля и воля» недостаточно исследована и крайне бедна документальными источниками, в частности мемуарными. Среди последних значительную ценность представляют воспоминания одного из основателей «Земли и воли», члена ее Центрального комитета Александра Александровича *Слепцова*. О существовании этих воспоминаний — «тетради Слепцова» — неоднократно свидетельствовал М. К. Лемке, напечатанный из них несколько отрывков и цитат в X и XVI томах вышедшего под его редакцией Полного собрания сочинений и писем Герцена и во втором издании своей книги «Политические процессы в России шестидесятых годов» (М.—Пг., 1923, стр. 318). При публикации этих материалов Лемке сообщил, что полный текст «тетради Слепцова», а также своих записей, сделанных под диктовку Слепцова, он «намерен дать в особой специальной работе»¹. Однако в связи со смертью исследователя (1923), задуманный им труд о «Земле и воле» не был написан, и обещанная публикация «тетради Слепцова» в печати не появилась. В архиве Лемке, хранящемся с 1941 г. в Институте русской литературы, «тетради Слепцова» не оказалось. Загадочность судьбы воспоминаний Слепцова не находила объяснений и порождала неверие в их существование. Так, например, Б. П. Козьмин, в статье «Был ли Чернышевский автором письма „Русского человека“ к Герцену?» писал: «Дело в том, что ни копии письма „Русского человека“, ни автографа воспоминаний Слепцова, ни вообще каких-либо записей, сделанных последним, никто, кроме Лемке, не видал, и где находятся они, — *если только они в действительности существовали*, — никому неизвестно»². Тем самым ставилась под вопрос и достоверность опубликованных Лемке отрывков, имеющих, несмотря на свою фрагментарность, большое значение для истории «Земли и воли».

Обнаруженные нами и публикуемые здесь документы устраняют сомнения в существовании «тетради Слепцова», содержащей материалы и наброски к начатому, но далеко не завершенному мемуарному труду о революционном движении шестидесятых годов. Замысел такого труда возник у Слепцова в самом конце его жизни. Взяться за перо мемуариста его заставили воспоминания Л. Ф. Пантелеева, одного из членов «Земли и воли». Они стали появляться отдельными статьями в периодической печати с начала 1900-х годов и были встречены Слепцовым крайне враждебно.

Когда в декабре 1904 г. в газете «Наша жизнь» Пантелеев напечатал ту главу из своих воспоминаний, в которой речь шла о «Земле и воле» и о последующей судьбе ее деятелей, Слепцов 18 декабря 1904 г. обратился к автору со следующим письмом:

С изумлением читаю я, Лянгин Федорович, те пошлости и гнусности, которые вы печатаете в газете «Наша жизнь», под видом «воспоминаний о давно минувшем». Жду окончания их, чтобы высказаться о них во

всеуслышание, но теперь же, как излюбленный герой ваших измышлений, считаю себя вправе требовать, чтобы вы выражались яснее. Вы напечатали в № 41: «Действительная причина удаления г-на с пенсне со службы была другая: в одной реакционной газете начались в это время вылазки против ведомства, где он служил, и делались прямые указания, что в нем свили гнездо неблагонамеренные элементы — бывшие женевцы».

Многие читатели строчки эти поняли в том смысле, будто «г. с пенсне» удален был своим начальником и школьным товарищем по подозрению, что «указания реакционной газеты» написаны им.

То ли вы хотели сказать? Выскажитесь, пожалуйста, определеннее и не стесняйтесь.

Перед клеветой вы, очевидно, не останавливаетесь, а раз дело идет о вымысле — дорисовать фигуру, вами измышленную, приписав ей еще и донос, очень уместно.

А. Слепцов³

Намерение Слепцова высказаться о воспоминаниях Пантелеева «во всеуслышание» не осталось одним только желанием. В бумагах Слепцова сохранился набросок его полемической заметки, направленной против мемуарного труда Пантелеева. Судя по тому, что Слепцов ссылается лишь на публикацию пантелеевских воспоминаний в газете «Наша жизнь» и не упоминает об их отдельном издании, первый том которых вышел в марте 1905 г., его заметку следует датировать концом 1904 — началом 1905 г. Вот текст двух отрывков из этого документа:

В ряде фельетонов газеты «Наша жизнь» помещались воспоминания Л. Ф. Пантелеева о давно минувших днях 1861—63 гг. От внимательных читателей этих фельетонов — насколько я мог убедиться — не ускользнули ни противоречия, которыми изобилуют сделанные сообщения, ни явно пристрастное отношение автора к отдельным личностям, ни его желание выставить себя чуть ли не единственным трезвым деятелем среди каких-то шутов, подвергавших себя и людей серьезным опасностям ради ребяческой игры в тайное общество. Неблагоприятное впечатление производят эти фельетоны еще и потому, что представляют собою не более как рассказы болезненно самолюбивого участника одного из кружков того времени об отдельных личностях, не давая никакого понятия ни об общем настроении эпохи, ни о стремлениях, одухотворявших первые шаги нашего общественного самосознания, нашей освободительной работы после 19 февраля. Эти первые шаги в фельетонах г. Пантелеева совершенно обесмысленны. Между тем вряд ли они могли быть бессмысленны, душою их являлись такие личности, как Чернышевский, Н. Серно-Соловьевич... А что это было так — свидетельствую, и думаю, что на это имею право. Г-н Пантелеев рисует мое участие в деятельности 61—63 гг. в очень нелестных красках, изображая меня под псевдонимом «господин в пенсне»... Но даже из того, что он говорит, ясно, что с делами того времени я знаком, и знаком много более, чем он.

[Если я о них не говорил до сих пор — потому, что, как известно, говорить о них и теперь еще неудобно, да и потому, что делал свое дело не напоказ, а по внутреннему побуждению. Глядя на развитие общественного самосознания в настоящем, может быть, мне и приятно сказать себе: «Счастлив, что и моего тут капля меду есть», но зачем же трубить об этом?]

И Слепцов так излагал причины, побудившие его взяться за перо:

И к чему, думалось мне, рассказывать! Потрудились каждый из нас, как смог и как сумел, имеет счастье видеть, что общественное дело выясняется и крепнет и может спокойно сойти со сцены, уступая место новым поколениям.

Но одно дело пройти путь свой хотя и незаметно, но спокойно, другое — услышать у гроба клевету и на себя, и на целый ряд людей близких, и на самое дело, которому служил всей душой и всем достоинством. Когда в печати появились рассказы вроде тех, которые написал г. Пантелеев, приходится взяться за перо и, насколько еще позволяют силы, восстановить «давно минувшее» в его истинном свете. В деле молодом были, конечно, черты молодости <...>, но в нем не было той буффонады, которую рисует г. Пантелеев⁴.

Слова «приходится взяться за перо и, насколько еще позволяют силы, восстановить давно минувшее в его истинном свете» явно указывают на замысел развернутого ответа Пантелееву в форме своих собственных воспоминаний. Приведенный текст следует рассматривать как набросок начала такого ответа, как первый приступ к работе.

Работа эта, как будет видно из дальнейшего, осталась незавершенной. Но в феврале 1906 г. Слепцов предпринял неудавшуюся попытку выступить в печати, а именно в журнале «Былое», с краткой полемической «заметкой» по поводу воспоминаний Пантелеева. Об этом мы узнаем из следующего письма редактора «Былого» В. Л. Бурцева к Слепцову (письмо датируется по почтовому штемпелю на конверте):

<Петербург. 19 февраля 1906 г.>

Многоуважаемый Александр Александрович!

Очень жалею, что вы нам поставили такие невозможные условия: или печатать *всё*, или не печатать ничего. Мы охотно воспользовались бы сущностью вашей заметки, но у нас решено полемики, особенно *резкой*, не помещать. Мы охотно напечатали бы ваш рассказ о 60-х годах. Вы — наиболее компетентный человек насчет событий того времени. Вы *должны* написать свои воспоминания. Чем мы, люди 80—90 гг., виноваты, что среди вас, шестидесятников, до сих пор не нашлось почти никого, кто бы счел нужным разыскать документы о своем времени и рассказать о нем то, что память сохранила.

Это ваша *обязанность*. Исполните ее.

Ведь, не странно ли, и документы-то о вашем времени разыскиваем мы, а не ваши современники.

Еще раз повторяю вам свою просьбу: *запишите ваши воспоминания*, комментируйте нам те документы, которые мы разыскали и напечатали.

Готовый к вашим услугам Вл. Б у р ц е в⁵

На письме имеется надпись М. Н. Слепцовой: «Это ответ Бурцева на негодующее письмо Ал. Ал. Слепцова и указания на неточности (чтобы не сказать более) в записках Л. Ф. Пантелеева». Ни «негодующее письмо» Слепцова, ни «заметка» его, отвергнутая Бурцевым за ее резкий полемический тон, до нас не дошли или остаются неразысканными.

Задетый отказом Бурцева, Слепцов, по-видимому, никак не откликнулся на его предложение написать для «Былого» воспоминания о шестидесятих годах и прокомментировать своими рассказами опубликованные в журнале документы по революционному движению этого времени.

Но примерно за месяц до конфликта с Бурцевым к Слепцову обратился с аналогичной просьбой М. К. Лемке. К его предложению помочь «восстановить картины 60-х годов в истинном свете» Слепцов отнесся с полным сочувствием. На письмо Лемке, содержавшее эту просьбу (оно остается неизвестным), Слепцов отвечал:

12 января 1906.
Симбирская 12. СПб.

Милостивый государь
Михаил Константинович!

Письмо ваше застало меня на пороге, уезжающим на вокзал, поэтому извините за спешный ответ на первом попавшемся листке. Еду в деревню за женой, которая, выехав туда на праздники, там захворала. Возвращусь через неделю, дней через 10, и тогда извещу вас. Душевно рад помочь чем могу восстановлению картины 60-х годов в истинном свете. Давно пора!

Искренне горя желанием послужить вашему делу.

А. С л е п ц о в ⁶

Слепцов, однако, пробыл в отъезде значительно дольше и возвратился в Петербург только 4 февраля. На другой день после приезда он предложил Лемке (в письме от 5 февраля) встретиться с ним, а телеграммой от 7 февраля извещал: «Завтра среду могу быть дома только до семи не приедете ли в шесть? Иначе прошу четверг в семь вечера»⁷. С этого времени началось личное деловое общение Лемке со Слепцовым. Непосредственные впечатления о первой встрече переданы в дневнике Лемке такой записью, датированной 15 февраля 1906 г.:

«Был у А. А. Слепцова. Ему теперь 70 лет. В 60-х годах он был близок с Серно-Соловьевичем и Чернышевским. Много рассказывал. Очень недоволен статьей о созданной им „Земле и воле“ Пантелеева. Говорит, что теперь, чувствуя, что смерть близится, будет спешить записать все, что ему известно о революционной работе 1860-х годов. Я заинтересовался, поддержал его. Мария Николаевна — куда против него — совсем молодец. Какой-то странный брак. Он, видимо, любит похвастаться, но очень интересный человек»⁸.

Вероятно, в ближайшие же дни после первого свидания с Лемке Слепцов отослал ему ту полемическую заметку против воспоминаний Пантелеева, которую отказался полностью печатать Бурцев. Посылка сопровождалась следующим письмом, текст которого сохранился в копии М. Н. Чернышевского, снятой с черновика Слепцова:

⟨Петербург. После 15 февраля 1906 г.⟩

Многоуважаемый
Михаил Константинович,

Вы просили меня хотя бы в кратких чертах рассказать, что вспомню, об эмбриологическом периоде пореформенного освободительного движения, о тех «шестидесятых» годах, свидетелей которых осталось в живых так немного.

С подобным призывом к «воспоминаниям» обращались ко мне не раз многие, но я до сих пор не только не записал ничего, но даже редко, очень редко и неохотно рассказывал кое-что о минувшем. Почему? По многим причинам. Главным образом потому, что говорить о себе как-то неловко, да, казалось, и незачем. Работалось не для того, чтобы рассказать о своих деяниях, а в удовлетворение внутренней потребности согласовать жизнь с идеалами... Как бы то ни было, мне 70 лет, я два раза был на краю гроба и ожил, после тяжких болезней, совершенно неожиданно и для людей и для себя, а никогда не исповедывался в прожитом даже близким...

Однако за последнее время пришлось убедиться, что в своем упорном молчании я был неправ. Пришлось пожалеть, что я не взялся за «воспо-

А. А. СЛЕПЦОВ

Фотография, 1890-е гг.

Центральный архив литературы
и искусства, Москва

минания», когда и память была много свежее и пособить ей могли многие сверстники. Увы, теперь из них уже в живых не осталось почти никого. И те, которые еще не умерли — только полуживы, забыли многое... Изменили мои отношения к «воспоминаниям» те картины 60-х годов, которые рисуют в настоящее время на моих глазах, изображая эти годы и деятелей их далеко не правдиво. Пусть бы забыли о прошлом — куда ни шло, но его совершенно не понимают, на него клеветают. И этой низости уже нельзя <не> постановить отпора.

Поэтому и решаюсь удовлетворить вашему желанию по мере оставшихся сил и возможности. Говорю о «возможности» ввиду того, что, будь я посвободнее, посостоятельнее, — я бы и теперь мог, конечно, написать много больше, проверив, освежив свою память <с> помощью пересмотра старинных газет, посетив нескольких стариков, доживающих последние годы на покое по разным углам России, порывшись в семейных архивах... Но, увы, несмотря на свой преклонный возраст, я не имею никаких средств к существованию, кроме небольшой пенсии (1200 р., из которых две пятых еще удерживается казначейством за долги) и заработков. От этой заботы о хлебе, при настоящей пониженной работоспособности, на «воспоминания» много времени уделить я не в состоянии. Примите, что пока могу дать. Если окажется досуг и «бог века продлит» (как говорится), пополю кое-что впоследствии.

Все, что напишется, передаю вам в ваше полное распоряжение. Вы спросите, почему не посылаю я этих страниц в печать? А потому, что печать (да будет ей стыдно!) по отношению ко мне уже заявила себя крайне пристрастной в защиту одного из самых неправдивых изобразителей 60-х годов, — не допуская меня свидетельствовать свободно, невзирая на то, что я свои свидетельства подписывал полной фамилией, что вы, усердно роясь в подлинных документах, беседуя с лицами, прикосновенными к прошлому, слышавши о нем от отцов, имеете случай и будете всегда иметь возможность проверить правдивость моих показаний, хотя бы настолько, чтобы, получив подтверждение некоторых частных, проникнуться доверием и к целому. И тогда они, полагаю, вам пригодятся.

Если признаете мои листы на что-нибудь годными, — печатайте их в целом, по частям, в извлечениях, — как хотите. В дополнение к ним буду, по мере того, как встретятся в печати строки, которые я сочту полезным комментировать, присылать вам свои заметки. Начинаю с присылки вам той заметки, которую не согласилось напечатать полностью «Былое». На днях пришлю еще кое-какие такие же отрывочные заметки⁹.

Записи в дневнике Лемке подтверждают, что Слепцов горячо принялся за работу над воспоминаниями. Из этих же записей видно, что по ходу работы Слепцов обращался к архивным источникам. Так, 23 февраля Лемке встретил Слепцова у Н. П. Барсукова, заведующего архивом Министерства народного просвещения, к которому тот заходил за справками о своей службе в этом министерстве.

Сохранившиеся же в бумагах Слепцова черновики нескольких писем свидетельствуют, что, в поисках интересовавших его сведений о «Земле и воле» и ее деятелях, он специально вступил в переписку с рядом корреспондентов. Так, в письме к С. П. Ганнефельд (дочери В. С. Ганнефельд, урожд. Корсаковой) от 6 февраля 1906 г. он просил сообщить ему дату смерти А. С. Корсакова, мотивируя это тем, что старается «воспроизвести картины 60-х годов и дорого бы дал, между прочим, за всякое упоминание, которое может помочь восстановлению хоть скольких-нибудь полных образов друзей моей молодости А. С. Корсакова и А. А. Мордвинова»¹⁰. К этому же времени относится письмо Слепцова к А. А. Черкесову, в котором, предлагая вступить в переписку, он просил на первый раз сообщить биографические сведения о Н. А. и А. А. Серно-Соловьевичах, об основании библиотеки и переходе ее к Черкесову и также о том, как Серно-Соловьевич открыл вместе со Слепцовым в своем доме на Обуховском проспекте читальню и народную библиотеку¹¹. Кроме того, здесь же хранится письмо к Слепцову неизвестного лица из Ташкента (1906 г.), в котором идет речь о связи между ними по «Земле и воле»¹².

Живое и поэтическое описание работы Слепцова над мемуарами о «Земле и воле» находим мы в известных воспоминаниях его жены, М. Н. Слепцовой — «Штурманы грядущей бури»:

«Уже за полночь. В доме тишина. За письменным столом перед раскрытой книгой сидит старик. Старик годами, но его мощная фигура и ясные глаза полны жизни. Мысли его, видимо, блуждают в далеком, далеком прошлом. Воспоминания вызваны раскрытой книгой Л. Ф. Пантелеева „О давно минувших днях (1861—1868 гг.)“. Многими противоречиями изобилуют сообщения. Явное пристрастие проявляет автор к отдельным личностям. Странное желание выставить себя чуть ли не единственным трезвым деятелем среди каких-то лиц, подвергавших себя и других людей серьезной опасности ради ребяческой игры в „тайное общество“, сплошь и рядом сквозит между строк. Нет в воспоминаниях ни характеристики общего настроения эпохи, ни понятия о стремлениях, одухотворяющих первые шаги общественного самосознания того времени, об освободительной работе после 19 февраля 1861 г.

И вот перед одиноко сидящим в глухую полночь человеком мелькают картина за картиной, из далекого прошлого. Пестрота событий, лиц, мест, желаний, стремлений»¹³.

Враждебная оценка мемуаров Пантелеева не имеет здесь самостоятельного значения. Это лишь отражение отношения Слепцова к воспоминаниям Пантелеева. Чтоб убедиться в этом, достаточно отметить, что суждение Слепцовой о мемуарах Пантелеева («Нет в воспоминаниях ни

характеристики общего настроения эпохи...) почти текстуально совпадает с их оценкой в опубликованной выше заметке Слепцова.

22 июня 1906 г. Слепцов умер. Лемке отправил М. Н. Слепцовой телеграмму с соболезнованием по поводу смерти ее мужа, а по прошествии двух месяцев письмо (от 16 августа 1906 г.), в котором сообщал: «На днях я сажусь писать свою большую работу о деле, в котором главную роль играл Н. А. Серно-Соловьевич; нельзя будет не коснуться и глубоко уважаемого мною Александра Александровича, который уже упоминается в документах. Дорожа широтой и правильностью освещения, мне хотелось бы знать, не сможете ли вы помочь мне кое-какими документами, может быть оставшимися после Александра Александровича». Для большего успеха своей просьбы Лемке, зная о враждебном отношении М. Н. Слепцовой к воспоминаниям Пантелеева, обосновывал ее тем, что он, конечно, не стал бы ее сейчас беспокоить, если бы не желание возразить Пантелееву, а, по его мнению, «делать это нужно именно теперь»¹⁴. М. Н. Слепцова ответила Лемке из Меррекуля 20 августа, выражая желание по приезду в Петербург передать ему оставшиеся рукописи Слепцова:

«Во-первых, позвольте пожать вашу руку за то отношение к Александру Александровичу, которое выразилось в вашей телеграмме после его кончины. Я много получила чрезвычайно трогательных писем и телеграмм, в которых люди, служившие с мужем или знавшие его долго, лет от сорока — выражали свое уважение, удивление и любовь к нему. Но вы знали его так мало! Только человек с чутким сердцем мог во всю величину оценить этого действительно замечательного человека при знакомстве кратковременном. Вот почему ваше отношение и ценно для меня и сразу сделало вас моим другом. Простите за непрошенную дружбу: я говорю о своем душевном отношении. Но не в моих признаниях дело. Гораздо интереснее для вас деловая сторона письма; вот она: у мужа остались некоторые заметки, наскоро набросанные им, есть несколько фотографических портретов лиц 60-х годов, но все это мной не разобрано и оставлено в городе, куда я приеду только в середине сентября.

Вряд ли вы разберетесь в его скорописи. Все старые документы и заметки, как вы, кажется, знаете со слов мужа, были сожжены его братом. На всякий случай, я дам вам все, что есть, но не поздно ли это будет? Моя память так плоха, что я не смогу восстановить перед вами слышанное от мужа, но, мне кажется, вот кто может вам помочь: за год до смерти Александр Александрович долго и подробно беседовал с Сергеем Николаевичем Южаковым. Тот хотел даже написать ему письмо, как документ, кажется, как раз против Пантелеева. Обратитесь к Южакову. Скажите, что я его очень прошу дать вам все данные для выяснения участия Александра Александровича в делах 60-х годов. Скажите, что для меня чрезвычайно горько то ложное и глупое освещение, в каком он выведен у Пантелеева. Мы с Южаковым старые приятели, и он, я уверена, расскажет вам, что сам знает (увы, очень малое), что он лично мне доставит удовольствие. Вот все, чем пока я могу вам помочь»¹⁵.

Лемке воспользовался указанием М. Н. Слепцовой и через некоторое время зашел к Южакову. «Был у Южакова с письмом Слепцовой, — записал он 7 сентября 1906 г. в своем дневнике. — Он, в сущности, ничего не знает по делу Серно-Соловьевича и Гольц-Миллера»¹⁶.

Общение Лемке со Слепцовой на этом не прекратилось. Вскоре после приезда из Меррекуля в Петербург М. Н. Слепцова 7 сентября просила Лемке зайти к ней. «Я охотно передам вам, — писала она, — те мало-

численные заметки, которые оказались у мужа, и несколько писем, принадлежащих, кажется, Серно-Соловьевичу»¹⁷. Из содержания дальнейшей переписки Слепцовой с Лемке видно, что она и сама продолжала собирать дополнительные данные о «Земле и воле», вела переписку с многочисленными оставшимися в живых членами этой организации. Так, например, в ее письме к Лемке от 4 октября 1906 г. читаем: «За адрес Алексева — спасибо. Кочетов и мне не ответил. Очевидно, он не желает трогать былых воспоминаний. Другой человек, к которому можно было обратиться, — Апрелев, убит в Сагале! Редкуют ряды... Уменьшаются данные для истины»¹⁸.

О том, что Слепцова осуществила свое намерение передать Лемке все найденные ею в бумагах мужа записи и материалы о «Земле и воле», свидетельствует позднейшее заявление исследователя, подтвержденное впоследствии следующими словами Слепцовой: «К сожалению, смерть прервала его <Слепцова> записи, а начало их, переданное мною М. К. Лемке и отчасти использованное им в своих работах в „Былом“ 1906 г. и в собрании сочинений Герцена, бесследно погибло со смертью Лемке»¹⁹.

Важным источником, подтверждающим существование мемуарных записей Слепцова, являются публикуемые ниже копии трех отрывков из воспоминаний Слепцова, снятые с его автографической рукописи в 1913 г. М. Н. Чернышевским. Копии найдены нами в бумагах А. Н. Пыпина, хранящихся в Отделе рукописей Пушкинского дома²⁰.

Первый публикуемый отрывок содержит план, или, точнее говоря, часть плана воспоминаний Слепцова. Копия его снята неизвестной рукой, но исправлена и продолжена рукой М. Н. Чернышевского. Не зная подлинника, с которого делался список, трудно решить, скопирован ли набросок плана воспоминаний полностью. Возможно, что план воспроизведен лишь в той части, которая прямо или косвенно относится к Чернышевскому. Это предположение возникает хотя бы из того, что М. Н. Чернышевским опущена часть текста (пропуск обозначен многоточиями), относящегося к пребыванию Слепцова за границей в 1860 г.

Второй публикуемый отрывок — о первом свидании Слепцова с Чернышевским, воспроизводит с некоторыми дополнениями и вариантами текст того фрагмента, который был опубликован Лемке в десятом томе Полного собрания сочинений и писем Герцена (стр. 425—427).

Нами найдены две копии этого отрывка. Одна из копий снята той же неизвестной рукой, что и план воспоминаний Слепцова, но опять же дополнена и исправлена рукой М. Н. Чернышевского. Другая копия является целиком автографом М. Н. Чернышевского.

Таким образом, мы располагаем сейчас тремя источниками текста для того важного места из воспоминаний Слепцова, в котором описывается его первая встреча с Чернышевским и разговор с ним о Герцене и тайном обществе: двумя рукописными копиями и публикацией Лемке. Первая копия была снята неизвестным нам лицом по поручению М. Н. Чернышевского. В этой копии осталось много пробелов для мест, не разобранных в скорописи Слепцова. Эти пробелы и были заполнены рукой М. Н. Чернышевского. Им же был внесен в текст ряд дополнений и исправлений. Все это не оставляет сомнений в том, что копии сливались с первоисточником лично М. Н. Чернышевским и что этим первоисточником был автограф Слепцова. О последнем свидетельствует также и надпись М. Н. Чернышевского на полях: «Зачеркнуто в оригинале» (надпись относилась к подчеркнутым М. Н. Чернышевским словам в незаконченной фразе: «Что же, это дело, — твердо сказал Чер-

нышевский. — А вы, Александр Александрович, пробовали писать какие-нибудь»).

Сверив копию и внося в нее много исправлений и дополнений, М. Н. Чернышевский перебелил весь текст, затем продолжил его рассказом Слепцова о приходе к нему Чернышевского (рассказ этот составляет содержание третьего отрывка нашей публикации). На этой перебеленной копии М. Н. Чернышевский сделал следующую надпись: «Из тетрадки Слепцова, — наброски по памяти, сделанные им по просьбе М. К. Лемке, 16. X. 1913. М. Н. Чернышевский». Следовательно, копия была снята М. Н. Чернышевским за шесть лет до того, как этот отрывок был напечатан Лемке в десятом томе сочинений Герцена, вышедшем в свет в 1919 г.

Публикация отрывка, осуществленная Лемке, восходит к его собственному чтению подлинника, отличающемуся от чтения М. Н. Чернышевского. В нашей публикации воспроизводится более полный текст копии М. Н. Чернышевского с приведением в подстрочных примечаниях наиболее значительных вариантов другой копии, снятой неизвестной рукой и правленной М. Н. Чернышевским (сокращенно — *копия Н*).

Изучение этих вариантов показывает, что Лемке напечатал отрывок о первой встрече Слепцова с Чернышевским довольно небрежно. Он пропустил несколько мест, трудных для чтения, другие же прочел, по-видимому, неверно. Так, например, в копии М. Н. Чернышевского читаем: «Он <Герцен> не удовлетворял меня <Слепцова>, но я еще не понимал, что для данного момента Герцену подобает только глубокая признательность, как несомненно крупному деятелю прошлого, что в руководители будущего он уже был непригоден. Впоследствии, при встрече в Ницце... приходят к этому сознанию... как он не сразу согласился». Из многоточий, поставленных М. Н. Чернышевским в последней фразе, видно, что в автографе Слепцова она с трудом поддавалась прочтению. М. Н. Чернышевский плохо прочел фразу. О смысле ее можно лишь догадываться. Лемке же вышел из трудного положения просто: без каких-либо оговорок он полностью ее опустил.

Другой пример. В копии М. Н. Чернышевского читаем: «Между ним <Герценом> и мною не происходило решительных пререканий; он вселял во мне недоверие к себе чрезвычайным сомнением, самое искрометное остроумие его мне *тоже* не нравилось, когда оно было отравлено сомнением, *призванием к своему требованию * даже тогда, когда и уже не... как он... когда нападал на свист „Very dangerous“*». Выделенные курсивом слова у Лемке не напечатаны.

Дальше в публикации Лемке читаем: «Герцен, — спешил я *ответом* <Чернышевскому>, — был ко мне очень внимателен, дал мне позволение приходить к нему в дни, не назначенные для общего приема, знакомил меня с *Лондоном, познакомил с Маццини...*, говорил я и все глядел на своего собеседника». В копии М. Н. Чернышевского этот же текст записан так: «Герцен, — спешил я *ответить* <Чернышевскому>, — был ко мне очень внимателен, дал мне позволение приходить к нему в дни, не назначенные для общего приема, знакомил меня в *Лондоне с разными вопросами особенно, познакомил с Мадзини, что было мне очень интересно*».

Говорил я и все глядел на своего собеседника».

Из сравнения этих двух отрывков можно предположить, что М. Н. Чернышевский и в данном случае прочел и записал текст Слепцова точнее, чем Лемке.

Последний пример.

* Над этим словом М. Н. Чернышевский поставил знак вопроса. — В. Б.

В копии

М. Н. Чернышевского:

— Надо было сперва приглядеться к... <сказал Чернышевский, обращаясь к Слепцову>, какая почва для сеяния. Ведь, вот, говорят, будет крестьянское движение в 63 году... будет ли?

Тут не дал ответить и вместе с тем поставил вопрос*:

— А вы пробовали составлять прокламации?

— Нет, и не думаю, чтобы было возможно... не зная публики.

— А если бы пришлось все-таки... Интересно бы посмотреть как вы пишете.

.....**

— Ну вы попытайтесь, а я как-нибудь на днях зайду! к вам, поговорим обстоятельнее.

Результат вечера превзошел мои ожидания. Как я потом уверился, Чернышевскому именно по душе пришлось мое сомнение в Герцене и сознание необходимости нащупать почву для дела прежде, чем приниматься за дело.

Обратим внимание на подчеркнутые нами слова. Во-первых, Лемке пропустил в своей публикации ремарку Слепцова, имеющуюся в копии М. Н. Чернышевского: «Тут <Чернышевский> не дал ответить и вместе с тем поставил вопрос». Пропуск этот позволял приписать следующий затем в публикации Лемке вопрос: «А вы пробовали составить прокламацию?» — не Чернышевскому, а Слепцову. Во-вторых, Лемке опустил в своей публикации строку многоточий между двумя фразами, имеющуюся в копии М. Н. Чернышевского, где она, несомненно, обозначала текст, который не удалось прочесть. Вследствие этого у Лемке получилось, что не Чернышевский Слепцову, а Слепцов Чернышевскому дает совет попытаться составить прокламацию и в этой связи обещает: «Я как-нибудь на днях зайду к вам поговорить обстоятельнее». Чтоб окончательно убедиться в ошибке, допущенной Лемке, достаточно обратиться к началу публикуемого ниже третьего отрывка из мемуарных набросков, где Слепцов пишет: «Через несколько дней Чернышевский действительно зашел ко мне».

По-видимому, ошибся Лемке и в чтении слова «сеяния», которое он прочитал как «слияния». Комментирующие же это чтение слова «разных кружков», вероятно, добавлены самим Лемке. Во всяком случае, ни в копии, изготовленной рукой неизвестного для М. Н. Чернышевского, ни в копии, перебеленной самим М. Н. Чернышевским, этих слов нет.

В публикации

М. К. Лемке:

— Надо бы сперва приглядеться и разъяснить, <— сказал Чернышевский, обращаясь к Слепцову,—>, какая почва для слияния разных кружков... Ведь, вот, говорят, будет крестьянское движение в 63 году. Будет ли?

— А вы пробовали составить прокламацию?

— Нет... И не думаю, чтобы было возможно...

— *А если бы пришлось, все-таки? Интересно бы посмотреть, как у вас вышло бы?*

— *Вместо меня вы попытайтесь, а я как-нибудь на днях зайду к вам поговорить обстоятельнее.*

Результат свидания превзошел мои ожидания. Как я потом убедился, Чер(нышевско)му именно по душе пришлось мое сомнение в Герцене и сознание неизбежности нащупать почву прежде, чем приниматься за дело.

* Ср. с публикацией Лемке, в которой набранная курсивом фраза отсутствует (Герцен, т. X, стр. 427).—В. Б.

** Строка многоточий в публикации Лемке отсутствует.—В. Б.

Отметим, наконец, что в «тетради Слепцова» имелся рассказ о его впечатлениях от встречи с Герценом в Лондоне. На это указывают следующие печатаемые нами курсивом слова в копии М. Н. Чернышевского, пропущенные в публикации Лемке: «Хотелось мне высказать свои, *уже описанные выше*, впечатления из поездки в Лондон».

Третий публикуемый отрывок — об ответном посещении Слепцова Чернышевским, как уже сказано, непосредственно примыкает по своему содержанию ко второму отрывку и составляет с ним, в копии М. Н. Чернышевского, одно целое.

Таким образом, печатаемые нами отрывки, из которых два вовсе не были известны до сих пор в печати, а один значительно дополняет текст публикации Лемке, не оставляют сомнения в существовании «тетради Слепцова», о которой не раз упоминают и М. К. Лемке и М. Н. Слепцова. Однако из этого отнюдь не следует, что «тетрадь Слепцова» содержала какое-то обширное, единое и законченное произведение мемуарного жанра. Напротив того, из публикуемых нами новых материалов со всей определенностью явствует, что Слепцов, хотя и принял предложение Лемке и горячо взялся за работу над воспоминаниями о «Земле и воле», но успел сделать до своей скорой смерти относительно немного. По словам Лемке, «смерть прервала его труд на первой трети, хотя очерк „Земля и воля“ был задуман <...> нами умышленно кратко, чтобы не затруднить больного и старого человека мелкими подробностями»²². Он оставил в своей тетради несколько набросков и заметок. Однако и в таком виде «тетрадь Слепцова», новые страницы из которой здесь публикуются, является важным документом для истории первой «Земли и воли». Следует надеяться, что она не погибла и когда-нибудь будет найдена.

ТРИ ВЫПИСКИ ИЗ «ТЕТРАДИ А. А. СЛЕПЦОВА», СДЕЛАННЫЕ В 1913 г. М. Н. ЧЕРНЫШЕВСКИМ

<1>

Попробую набросать на первый раз хотя бы только общий очерк своей деятельности после выпуска из лицея до выезда за границу в 1863 году.

Пропущу пока и рассказ о годах, предшествовавших 1860-му году, т. к. они, имея, быть может, интерес биографический, не представляют собою, собственно, ничего интересного по вопросу о первых шагах так называемого реформенного освободительного движения...

Оставляю пока в стороне и то, что помню о тревогах, сопутствовавших в обществе ходу работ по освобождению крестьян, о встрече 19 февраля 1861 года.

Начну прямо с очерка волнений, вызванных разочарованием в «великих реформах», особенно неполнотою «воли», объявленной «Положением», и потребностью упрочить новые формы жизни политической реформой в духе народопрямства с возможным ограничением самодержавия.

Начну с эпизода совсем комического. Проникнутый жаждой альтруистической деятельности (см. сказания за годы 56—59), совершенно лишенный соображения о стоимости вещей, о количестве труда, требуемого той или другой задачей, в какой-то уверенности, что любое дело оборудовать можно, было бы искренно, глубоко и то * желание, я, ни с кем не посоветовавшись, подал гр. Блудову (как своему начальнику...

* Над этим словом М. Н. Чернышевский написал: такое-то?

служил я тогда в II отделении собственной его императорского величества канцелярии) заявление, что «желал бы открыть бесплатную гимназию» для приходящих...

NB Свои мечты и расчеты...

Не знаю, какое мнение Блудов и его factotum, правитель дел И. Д. Де-лянов, имели о моем состоянии, но ни один не обмолвился ни словом сомнения касательно моих лет (23 года), средств подготовки, программ...

(Сцена у Блудова и Делянова).

Блудов поспешил при первом докладе подsunуть мое заявление го-сударю и, приехав, с восторгом оповестил, что гимназия моя высочайше разрешена.

(Беседа, предложение переговорить с Н(!)ов *.)

Зачисление на службу в Министерство народного просвещения 2 июня.

Беседа с К(овалев)ским.

Предложение поехать за границу. Командировка на 11 месяцев.

.....

Гимназия на Петербургской стороне. Читальня.

Дата, когда я жил с Кочетовым.

Мордвинов.

Корсаков.

Серно-Соловьевич.

Неронов, Кочетов, Ольхин²¹.

Так я сразу оказался в центре большого кружка.

Первый вечер у Чернышевского.

Проба пера, визит Чернышевского ко мне. Принятое решение, раз-говор с медиками.

Эта деятельность свела меня

с Серно-Соловьевичем,

со студентами Медико-хирургической академии,

с университетскими профессорами.

<2>

Наконец, захватил с собой письмо Н. Н. Обручева и отправился к Чернышевскому. Почему-то (кажется, по указанию, данному Обручевым) пошел я к нему вечером, да попал в день какого-то собрания на его квартире. По крайней мере, когда, передав в прихожей письмо и свою визитную карточку прислуге, я затем, по приглашению хозяина, вошел в слабо освещенную залу, там оказалось несколько человек. Чернышевский, как теперь вижу, вышел из-за какого-то стола мне навстречу, протянул руку и со словами: «Милости прошу, пройдемте ко мне», — не представив меня никому, не выпуская моей руки из своей, провел в другую комнату.

— Здесь нам разговаривать будет удобнее, — прибавил он, зажигая свечу. — Садитесь хотя вот сюда.

Посадил он меня к какому-то небольшому столу, затворил дверь, сам сел рядом.

Я всегда, даже в молодости, страдал каким-то странным недостатком зрения: мне все очертания представлялись туманными, все предметы okayмленными как бы расплывающимися линиями; потому мне очень трудно разглядывать и запоминать черты лица. Плохо видел я и лицо своего собеседника, но тем ярче выступала предо мною его фигура,

* Над этим началом фамилии М. Н. Чернышевский написал: Ковалевский.

приковывали к себе его пристальный взгляд и его странная, совсем необычайная улыбка — и насмешливая, и ласковая в одно время.

Он облокотился на стол обоими локтями, держа одну руку в другой, и глядел на меня сквозь очки, несколько приподнимая голову.

— Ну-с, вы из-за границы, видались там, конечно, с Герценом...

— Видал... — произнес я это слово, вероятно, так выразительно, что собеседник мой услышал за ним неизбежное * «но»...

Хотелось мне высказать свои, уже описанные выше, впечатления, вынесенные из поездки в Лондон, но я замаялся. Показать себя сразу недостаточно почтительным к «великому изгнаннику» я не решался. Я опасался оттолкнуть от себя Чернышевского с первого раза, а мне так хотелось подойти к нему поближе...

Во взгляде Чернышевского отразилось будто удивление. Лицо его стало серьезнее. Он, видимо, ожидал встретить молодого человека, ослепленного встречей с тогдашним владельцем либеральных русских сердец.

— Что же? Вы будто его не одобряете?

Я и тут не решился высказать свои сомнения... Именно потому, что в душе моей были только *сомнения*, а не сложившийся взгляд. Я еще так недавно действительно представлял себе Герцена средоточием и путеводителем нового движения. Между ним и мною не происходило решительных пререканий; он вселял во мне недоверие к себе чрезвычайным сомнением **, но его отношения к всколыхнувшейся России, его взгляды, мнения я еще продумать не успел. Возражать ему я, при свидании в 1861 г., еще не мог. Самое искрометное остроумие его мне тоже не нравилось, когда оно было отравлено сомнением, призыванием к своему трибуналу <?>, даже тогда, когда... уже не... Как он не... себя, когда нападал на «Свисток» — «Very dangerous». Я еще слушал его в чаянии найти напутствия и опору своим стремлениям. Он не удовлетворял меня, но я еще не понимал, что для данного момента Герцену подобала только глубокая признательность, как, несомненно, крупному деятелю прошлого, что в руководители будущего он уже был непригоден. Впоследствии, при встрече *** в Ницце... приходят к этому сознанию... как он не сразу согласился.

Я ушел от исповеди не сложившихся еще в душе отрицаний, переходим к повествованию.

— Герцен, — спешил я ответить, — был ко мне очень внимателен, дал мне позволение приходить к нему в дни, не назначенные для общего приема, знакомил меня в Лондоне **** с разными вопросами особенно, познакомил с Мадзини, что было мне очень интересно.

Говорил я и все глядел на своего собеседника... Рассказ мой о любви Герцена *****...

Когда же я упомянул о Мадзини, Чернышевский стал снова внимательнее.

— Мадзини, — говорил я, — рассказывает изумительные вещи. Он уверен не только в окончательном успехе итальянского объединения,

* В копии Н слово неизбежное пропущено.

** В копии Н далее вписано рукою М. Н. Чернышевского: самое искрометное остроумие его мне тоже не нравилось, когда оно было отравлено сомнением, призыванием к своему требованию <?> даже тогда, когда и уже не... как он... когда нападал на свист «Very dangerous». Но его взгляды, мнения, его отношения к всколыхнувшейся России я еще продумать не успел. Возражать ему я при свидании 61 года еще не мог.

*** В копии Н далее рукою М. Н. Чернышевского: с Н... на... к этому сознанию... как он не сразу согласился.

**** В копии Н против этого слова рукою М. Н. Чернышевского: с Лондоном? Далее им же, после слова Лондоне поставлено двоеточие.

***** В копии Н: его...

но и в том, что будет совсем скоро революция славянск... Он уже предвидит разрушение Австрии...

— Да, — заметил смеясь Чернышевский, — он всегда предвидит * где-нибудь революцию на завтрашний день.

— Он и у нас ожидает революцию, говорит, что близость русской революции указана ему многими русскими... Советовал организовать... И вот, Николай Гаврилович, об этом-то я и хотел, собственно, поговорить с вами, послушать, что вы скажете.

— Что же, думаете заняться организацией тайного общества? ** Чернышевский встрепенулся. Видимо, теперь только свидание наше начинало получать для него некоторый смысл.

— Тайного общества? Я этого собственно не предполагал, а предполагал только, что сначала следует нам присмотреться к силам, организоваться...

— Что же, это дело, — твердо сказал Чернышевский.

— Вот уже здесь явились воззвания *<1 слово нрзб.>*.

— А они удовлетворяют вас?

— Не знаю, как вам ответить, — сказал я. — И удовлетворяют и не удовлетворяют. Удовлетворяют как начало. Только, не зная среду, к которой обращаешься ***, говорить трудно... а вот *<несколько слов нрзб.>*.

— Надо бы сперва приглядеться к —, какая почва для сеяния. Ведь, вот, говорят, будет крестьянское движение в 63 году... будет ли?

Тут, не дав ответить, и вместе с тем поставил вопрос.

— А вы пробовали составлять прокламации?

— Нет, и не думаю, чтобы было возможно... не зная публики.

— А если бы пришлось все-таки... Интересно бы посмотреть, как вы пишете.

— Ну, вы попытайтесь ****, а я как-нибудь на днях зайду к вам, поговорим обстоятельнее.

Результат вечера превзошел мои ожидания. Как я потом уверился, Чернышевскому именно по душе пришлось мое сомнение в Герцене и сознание необходимости нащупать почву для дела прежде, чем приниматься за дело.

<3>

Через несколько дней Чернышевский действительно зашел ко мне. Случайно при его приходе я сидел в своем кабинете и при(готовился) уже к приходу <Чернышевского>.

Он сидел у меня долго, разговор шел очень...

— Мне Н. Н. Обручев сообщил, о чем предстоит наш разговор, потому я прямо и приступил к нему, — пояснил он. — Потому и провел вас прямо в свою комнату... Хотелось мне также предварительно ознакомиться с тем, насколько вы увлекаетесь прлрн ***** Лондона.

* В копии Н предвидит исправлено рукою М. Н. Чернышевского на: предсказывал.

** В копии Н далее рукою М. Н. Чернышевского: Тайное общество? Я этого собственно не предполагал, а полагал только, что... присмотреться к силам, организовать... Чернышевский встрепенулся. Видимо, теперь только свидание наше начинало получать для него некоторый смысл. — Что же, это дело, — твердо сказал Чернышевский. — А вы, Александр Александрович, пробовали писать какие-нибудь. — Последнее предложение М. Н. Чернышевский зачеркнул, пометив против него: зачеркнуто в оригинале.

*** В копии Н: среду и обращаемого

**** В копии Н: согласитесь попытаться

***** т. е., вероятно, «Полярной звездой» и другими изданиями Герцена.

Я сознался, что не особенно внимательно перечитывал «Колокол» *, но смущаюсь обращаться ** к царю ***, а между тем и здесь слышу Серно-Соловьевич обращался к царю.

— А вы знаете Серно-Соловьевича?

— Как лицеиста.

— Хороший человек, но мечтатель. Но для него то был первый шаг, а Герцен упорствует. А что, написали что-нибудь?

— Написал... Фразы... пробовал. Наверно я не знаю, к кому обращаться. Может быть, ждать?

Мы стали перебирать...

— Ну, что же, поприглядите здесь, потом в провинции.

— Я мало знаю провинции.

— Итак... можно ****. Посмотрите здесь в университете. Вы, я смотрю, решили ***** все-таки.

— Занимаюсь я-то уже зн... лицо сегодня — Михайлов.

— Университетские те скоро у....

П Р И М Е Ч А Н И Я

¹ Герцен, т. XVI, стр. 71.

² «Лит. наследство», т. 25-26, 1936, стр. 578.— Курсив наш.

³ Письмо опубликовано С. А. Рейсером в примечаниях к вышедшей под его редакцией книге Л. Ф. Пантелеева «Из воспоминаний прошлого». М.— Л., 1934, стр. 721.

⁴ ЦГАЛИ, ф. 462, оп. 1, ед. хр. 10.

⁵ Там же, ед. хр. 21, л. 1.

⁶ ИРЛИ, ф. 661, ед. хр. 1010, л. 1.

⁷ Там же, лл. 2 и 4.

⁸ Там же, ед. хр. 11, л. 91.

⁹ Там же, ф. 250, оп. 1, ед. хр. 485.— В конце приведенного документа рукой М. Н. Чернышевского заверительно надписано: «Копия с черновика письма Слепцова к М. К. Лемке». Указание на черновик допускает предположение, что письмо могло остаться не переписанным набело и неотправленным. В этом случае оно передано Лемке Слепцовой уже после смерти мемуариста, вместе с другими его бумагами.

¹⁰ ЦГАЛИ, ф. 462, оп. 1, ед. хр. 13.

¹¹ Там же, ед. хр. 17.— Отрывок из этого письма частично приведен М. Н. Слепцовой в статье «Штурманы грядущей бури» (стр. 413. См. прим. 13).

¹² Там же, ед. хр. 46.

¹³ М. Н. Слепцова. Штурманы грядущей бури. (Из воспоминаний).— «Звенья», II, 1933, стр. 387.

¹⁴ ЦГАЛИ, ф. 462, оп. 1, ед. хр. 94.

¹⁵ ИРЛИ, ф. 661, ед. хр. 1011, лл. 3—4.

¹⁶ Там же, ед. хр. 12, л. 5.

¹⁷ Там же, ед. хр. 1011, л. 6.— Семнадцать писем Серно-Соловьевича, о которых идет речь, Лемке напечатал в своей книге «Очерки освободительного движения „шестидесятых“ годов» (СПб., 1908).

¹⁸ Там же, л. 7 об.

¹⁹ М. Н. Слепцова. Указ. соч., стр. 402.

²⁰ ИРЛИ, ф. 250, ед. хр. 714.

²¹ В публикуемом отрывке Слепцов сообщает о своей общественной деятельности в области народного просвещения. В этой связи заслуживает быть приведенным список преподавателей мужской воскресной школы в Сампсониевском училище (разрешенной 12 июля 1860 г.) и мужской воскресной школы в Воздвиженском училище (разрешенной 2 декабря 1860 г.), открытых А. А. Слепцовым. В «Списке распорядителей и преподавателей в воскресных школах С.-Петербургской дирекции», составленном в 1862 г., читаем:

* Над этим словом М. Н. Чернышевский поставил знак вопроса.

** Против выделенной курсивом части слова М. Н. Чернышевский надписал: *ением?* Несомненно это чтение и следует признать правильным: ... но смущаюсь обращением к царю...

*** Это слово вписано М. Н. Чернышевским.

**** Над этим словом М. Н. Чернышевский поставил знак вопроса.

***** Над этим словом М. Н. Чернышевский надписал: *занимаетесь*

«Мужская школа в Сампсониевском училище.

Распорядитель — студент Медико-хирургической академии Рымаренко. Казначей — служащий в Морском министерстве А. А. Кочетов.

Преподаватели: бывшие воспитанники лицея, состоящие ныне на службе: С. А. Ольхин, Н. А. Ольхин, А. А. Мордвинов, А. П. Наронович, Н. Ф. Фан дер Флит, П. И. Апрельев, П. И. Бларамберг.

Студенты Медико-хирургической академии: Гибнер, Афанасьев, Березин. Дочь покойного протоиерея М. А. Кочетова. Дочери лейб-медика: А. П. Наронович, В. П. Наронович, Л. С. Сердюкова.

Мужская школа в Воздвиженском училище.

Распорядитель — причисленный к Центральному статистическому комитету титулярный советник Михаил Николаевич Раевский. Преподаватели: священник Крестовоздвиженский ямской церкви о. Александр Славинский, коллежский ассессор Петр Ипп. Потулов, воспитанники Петербургской духовной семинарии: Илья А. Соколов, Петр А. Соколов, Никанор А. Тихвинский» (ЦГИАЛ, ф. 733, оп. 88, 1862 г., № 312, лл. 163 об. и 238).

Изучение приведенного списка показывает, что по крайней мере пять распорядителей и преподавателей открытых Слепцовым воскресных школ были членами общества «Земля и воля». К ним принадлежат:

Сергей Рымаренко — один из основателей «Земли и воли», возможно, член ее первого Центрального комитета, человек, близкий к Чернышевскому;

А. А. Кочетов — входил в одну из «слепцовских пятерок»;

А. А. Мордвинов — входил в одну из «слепцовских пятерок», друг юности Слепцова;

А. П. Наронович — входил в четвертую «слепцовскую пятерку»; позднее — врач, стяжавший среди бедноты широкую известность своим бесплатным лечением;

П. И. Апрельев — входил во вторую «слепцовскую пятерку».

²² Герцен, т. XVI, стр. 71.